О ЗАРАЖДАЮЩЕЙСЯ,

ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ,

МАЛОРОССІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

СОЧ.

И. КУЛЖИНСКАГО.

I. Южнорусскій элементъ, какъ предметъ торговли.
II. О малороссійскомъ нарѣчіи.
III. Дневникъ Т. Г. Шевченка.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

I.

ЮЖНОРУССКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ,

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ТОРГОВЛИ.

У насъ, въ Малороссіи, всегда были и будутъ такіе добрые люди, съ которыхъ покойный Гоголь писалъ вѣрные и прекрасные портреты; напримѣръ, такіе, какъ тотъ старый, сѣдой козакъ, который, выпивши лишнюю чарку, сѣлъ за столъ, понурилъ голову и давай плакать на взрыдъ, какъ маленькое дитя....

— Чего ты, дѣдъ, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать, когда я остался на свѣтѣ сиротою? И батько мой умеръ, и мать умерла, и дядько умеръ, и тетка умерла—всѣ умерли, остался одинъ я, сиротина. Кто меня пожалѣетъ? Кто приголубитъ? пхи... пхи... пхи... И разревѣлся чувствительный Ничипоръ... А у этого стараго Ничипора домъ полонъ своихъ дѣтей и внуковъ, среди которыхъ онъ живетъ, какъ патріархъ. Батько и мать его, по неизбѣжному закону при-

роды, не могли же вѣчно жить на землѣ, да и самому Ничипору далеко уже за шестьдесятъ лѣтъ, — подите же: *теперь только* вспомнилъ, что онъ сирота и горько расплакался.

Въ нѣкоторомъ отношеніи, мы—всѣ малороссіяне—немножко похожи на добраго Ничипора; стоитъ только ловкому и искусному человѣку разшевелить въ насъ воспоминанія »*про Колѣевщину, про Хмельнищину, про Сѣчь Запорожскую*«, да еще запѣть казацкую пѣсню о томъ, »*какъ въ полѣ могила съ вѣтромъ говорила*«... мы тотчасъ готовы расплакаться, а ужъ вишнёвкою вдоволь напоимъ смѣтливаго разказщика и пѣвца, и денегъ, пожалуй, дадимъ ему на дорогу.

Одинъ разъ, при подобномъ случаѣ, я, переждавши восторги, слезы и аханья добродушныхъ земляковъ, слушавшихъ пѣсню бандуриста о томъ, какъ поляки рѣзали козаковъ, а козаки рѣзали поляковъ и жидовъ, спросилъ у одного старика изъ слушателей: скажите пожалуйста, дядюшка, развѣ *тогда* лучше было жить въ Малороссіи, чѣмъ *теперь?*

— Гдѣ то уже лучше, отвѣчалъ старикъ, тогда Малороссія была какъ тотъ горохъ, что ростетъ при дорогѣ, —кто не хотѣлъ, тотъ только не скубъ и не рвалъ его. Теперь уже *дзуськи!* (прочь! баста! не замай!) Мы теперь не боимся ни поляковъ, ни жидовъ, ни татаръ, никому и въ усъ не дуемъ!

— Зачѣмъ же вы плачете, вспоминая старину?

— А кто его знаетъ, *зачѣмъ оно плачется!* Извѣстно, дурныя слезы, лишняя вода въ головѣ. Какъ выпьешь одну—другую чарку, да выплачешься, такъ на душѣ и станетъ легче.

Вѣдь какъ хотите, а такое расположеніе къ грустнымъ воспоминаніямъ и вообще къ отжившей старинѣ, въ нынѣшній меркатильный и практическій вѣкъ, можетъ служить для смѣтливаго человѣка превосходнымъ и очень выгоднымъ предметомъ торговли. Теперь *изъ всего извлека-*

ютъ выгоду: стыдно было бы нашему вѣку, если бы не нашелся ни одинъ предпріимчивый и ловкій человѣкъ, который всѣ эти ахи и слезы въ честь отжившей малороссійской старины не перевелъ бы на чистыя деньги—разумѣется, въ свою пользу. Не только не должно осуждать такого умнаго человѣка, но еще должно уважать и почитать его, какъ великаго мастера своего дѣла.

Вотъ и началась у насъ подобная торговля или, правильнѣе сказать, переводъ нашей наивной чувствительности на наличныя деньги! Началась она, эта знаменитая торговля, съ »возстановленія малороссійскаго языка и возсозданія южно-русской литературы«. Первоначально изданы были два малороссійскіе букваря: *»Граматка«* и *»Южнорусскій Букварь«*.

»Граматка« съ картинками и образками. На одной сторонѣ листка изображенъ, въ видѣ буквы Ч, козакъ курящій трубку, а на другой сторонѣ того же самаго листка—образъ Богоматери! Очевидно, что сопоставленіе этихъ двухъ предметовъ очень не прилично; но для торговли тутъ главное—козакъ съ люлькою въ зубахъ; найдутся добрые Ничипоры, которые за одну эту виньетку купятъ »Граматку«.

Предисловіе къ этой »Граматкѣ« силится доказать, что малороссіяне непремѣнно должны начинать учиться чтенію »съ малороссійскаго (т. е. съ *испорченнаго* русскаго) языка, а церковную (т. е. славянскую) печать уже всякій разберетъ, научившись читать по малороссійськи«. Между тѣмъ какъ малороссіяне, со времени Равноапостольнаго князя Владиміра и мудраго Ярослава, всегда учились и учатся сперва славянской грамотѣ, *чтобъ научиться молиться Богу*, а потомъ уже отъ церковной печати легко и непримѣтно переходятъ къ новоизобрѣтенной гражданской, или русской; это—самый естественный и необходимый порядокъ, который новая торговля южнорусскимъ элементомъ старается низвратить или, говоря точнѣе, *развратить. Знаніе грамоты вовсе не нужно для нашего про-*

столюдина, ежели главною и первою цѣлью этого знанія не будетъ умѣнье молиться Богу. Вызываемъ торговцовъ южнорусскаго элемента опровергнуть эту вѣковую истину!

Малороссійское нарѣчіе общаго русскаго языка, не смотря на нѣкоторые полонизмы, оставшіеся въ немъ отъ бывшаго польскаго ига, угнѣтавшаго нѣкогда Малороссію, такъ близко къ русскому языку, что его можетъ легко понимать всякій великороссіянинъ. При такой очевидности однородства двухъ нарѣчій, торговцы южнорусскаго элемента выдумали слѣдующую коммерческую штуку: изобрѣли для малороссійскаго нарѣчія такое мудреное правописаніе, противное всѣмъ правиламъ этимологіи, что великороссіяне, затрудняясь, при этой орѳографіи, читать по-малороссійски, приходятъ въ искушеніе и думаютъ, что *авось* малороссійское нарѣчіе въ самомъ дѣлѣ не есть ли *особенный языкъ славянскаго корня;* а малороссы, смотря на эту новую орѳографію или — правильнѣе — кривографію, сочиненную для нихъ досужимъ умомъ торговца-сочинителя »Граматки«, и себѣ подумываютъ въ простотѣ сердца: »видно-таки нашъ языкъ совсѣмъ не русскій, когда то же слово да не такъ уже теперь стали писать.« — Напримѣръ, вотъ начало предисловія къ знаменитой »Граматкѣ« съ выдуманною отъ нея орѳографіей: *»скількo ні есть у насъ по Вкраіні граматокъ и букварівъ, то всі вони не годятця намъ для первоі науки письменства, бо печатани не нашою мовою, а черезъ те всяка дитина довго нудитця надъ книжкою, поки навчитця иноязичниі слова розбірати«*. И мысль эта, и уродливое изображеніе ея (скажемъ по-малороссійски) — совершенная *»брехня«*!

Предисловіе къ этой »Граматкѣ«, а равно и послѣсловіе или *»Слово до письменныхъ«*, при всемъ своемъ благодушіи и братолюбіи, при всемъ наружномъ яко-бы христіянскомъ настроеніи, невольно проговаривается о какой-то *»волѣ людской«* (страница 3 и 149). Словомъ

о свободѣ и оканчивается »Граматка«. — Эта »Граматка« издана въ 1857 г., когда комитеты кипѣли работою надъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса; теперь этотъ вопросъ уже разрѣшенъ: не понятно о какой свободѣ, или *»волѣ людской«* хлопочетъ »Граматка«.

Первые шесть уроковъ »Граматки« состоятъ изъ нѣкоторыхъ псалмовъ Давида, перепорченныхъ, т. е. переведенныхъ на малороссійское нарѣчіе. Помилосердуйте, гг. просвѣтители Малороссіи! для чего вы отнимаете у нашихъ простолюдиновъ Псалтырь славянскую? Это святотатство! Предоставьте имъ читать псалмы Давида по славянски, и Бога ради не переводите ихъ такъ нелѣпо на малороссійское нарѣчіе: вы этимъ переводомъ портите все дѣло, даже компрометируете дѣло спасенія вашихъ ближнихъ.

»Граматка« на этомъ не остановилась, но послѣ каждаго переведеннаго ею псалма она приложила еще изъясненіе, или *»науку«*. Характеръ этихъ изъясненій, совершенно *ничипоровскій*, такъ и располагаетъ къ тому, чтобы сѣсть за столъ, понурить голову, да и заплакать въ три ручья. Общее содержаніе ихъ слѣдующее: »надобно »намъ жить дружно; враговъ у насъ много, но Господь »не оставитъ насъ. Послушайте, что онъ говоритъ: *пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіися и обремененніи, »и Азъ упокою вы и обрящете покой душамъ ва»шимъ*. Ему, Господу, любо слушать хвалу отъ честного »собора. А соборомъ зовется всяка громада, которая со»бирается для добраго дѣла, угоднаго Богу.—Дай же намъ »Господи всѣмъ сойтись до купы помыслами своими, и »запѣть Тебѣ новый псаломъ честнымъ соборомъ и серд»цемъ не лукавымъ« (стран. 26). — Ну, какъ Ничипору не расплакаться отъ этой »науки«,—такъ и лѣзутъ въ голову мысли: »батько умеръ, мать умерла... бѣдный я сирота!«... Ну, какъ не заплатить 50 к. за »Граматку?« —

За изъясненіемъ псалмовъ слѣдуетъ—украинская дума *про гетмана Наливайка*, тоже съ изъясненіемъ

или »наукою«. Это верхъ коммерческаго искусства въ торговлѣ южнорусскимъ элементомъ!—Изъясненіе думы не скрываетъ той истины, что Малороссія (страница 28) не имѣетъ на своихъ границахъ ни высокихъ горъ, ни глубокихъ рѣкъ, ни моря, чтобъ опершись объ нихъ не дать чужеземцу (?) опустошать свою землю. »Такая была воля »Божія, чтобъ наша прекрасная, плодоносная сторона сто»яла не отгороженною отъ сосѣдей«. Но — продолжаетъ »Граматка« — велика сила одностайнаго народа; никто не»устоитъ противъ единодушія. Не оружіе, не искусство »одолѣваетъ въ войнахъ народы; борются они между со»бою единодушіемъ; въ комъ больше воли и думы одной, »тотъ и беретъ верхъ надъ другими« (стран. 40).

Позвольте спросить васъ, г. сочинитель »Граматки«, неужели вы забыли, что теперь—слава Богу—Малороссія уже не составляетъ пограничной стороны Россіи, но есть одна изъ *ея внутреннихъ частей?* За чѣмъ же вы такъ расплакались, что она не имѣетъ на своихъ границахъ ни морей, ни горъ, ни глубокихъ рѣкъ? Ей теперь не отъ кого отгораживаться. Да и, такъ называемой вами, *Малороссіи* уже, слава Богу, нѣтъ; а есть *одна, наша славная Россія* съ семью морями—океанами на своихъ границахъ. Если вы читаете Св. Писаніе, то припомните, что *всякое царство, раздѣлшееся на ся, запустѣетъ.*

Послѣ думки о Наливайкѣ съ ложно-патріотическимъ изъясненіемъ, слѣдуетъ въ »Граматкѣ« философическая статья, подъ названіемъ: »*Поглядъ* (вѣроятно, взглядъ) *на Божу правду, которою держитця свѣтъ*« (стр. 45—61) *.

* Кстати замѣтить, что сочинитель „Граматки" самъ очень плохо знаетъ малороссійское нарѣчіе и безпрестанно куетъ изъ польскаго языка новыя слова въ родѣ погляда и все это для того, чтобъ показать дурнямъ москолямъ, что малороссійское дескать нарѣчіе не нарѣчіе, но самостоятельный языкъ болѣе сродный съ польскимъ, чѣмъ съ обще-русскимъ.

Торговецъ-издатель »Граматки« въ предисловіи къ этой статьѣ самъ говоритъ, что она написана »не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ, чтобъ они могли порозумнѣйшать (сдѣлаться умнѣе)«. Чтожъ это такое за *взглядъ на Божію правду?* — А вотъ что: чрезъ всю статью проведены слѣдующія преобладающія мысли: »было »царство Вавилонское, было Ассирійское царство, было »царство Египетское. Послѣ Египетскаго царства поднялась »Греція; а какъ Греція ослабѣла и великое царство Александра Македонскаго распалось, то поднялась страшная »сила Римская и весь свѣтъ подъ себя подгорнула (стран. »45, 46, 49). Всякое царство начиналось съ малаго и, »подчинивши себѣ сосѣдей, ширилось, господствовало надъ »безчисленными землями, а послѣ того, превзошедши мѣру »гордости и беззаконій, само въ себѣ портилось, распадалось на маленькія царства, и не только свою древнію »славу, но и самое имя свое теряло. На чтожъ допускала »Божія воля воздвигаться этимъ великимъ царствамъ, ежели отъ нихъ теперь остались только развалины? На то, »чтобъ родъ человѣческій узналъ негодность грубой животной силы, которая хочетъ господствовать надъ міромъ и позналъ другую силу, разумную, божественную, »которая идетъ своимъ шагомъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ »царства въ царство даже до нашего времени, — и чтобъ, »познавши эту силу на всѣхъ народахъ, люди начали собираться братскимъ разумомъ, громада до громады, а »не принужденіемъ и неволею. Между древними царствами »держалась правда Божія только въ еврейскомъ народѣ. А »потомъ какъ евреи не узнали Спасителя и распяли Его »(стран. 50), то римляне выгнали евреевъ изъ земли обѣтованной и разсѣяли по всему свѣту. Теперь уже всякій »народъ сталъ Божіимъ народомъ, лишь бы вѣровалъ въ »Сына Его и жилъ по Его закону. При свѣтѣ Христовомъ, просвѣщающемъ всѣхъ, видно (стран. 60), на что »Господь допускаетъ воздвигаться великимъ царствамъ и »потомъ падать, какъ палъ древній Вавилонъ, и исчезать,

»какъ исчезла Ниневія. На то, чтобъ не перомъ на бу-»магѣ, не голосомъ въ слухъ уха, былъ возвѣщаемъ міру »законъ Божіей правды, но чтобы его достигла сама жизнь »своими усиліями, муками и переворотами (par revolu-»tions)?... Вотъ и далъ намъ Христосъ великую заповѣдь »въ Евангеліи: *аще пребудете въ словеси Моемъ, во-»истину ученицы Мои будете, и уразумѣете ис-»тину, и истина свободитъ васъ*«.

Только древніе книжники и фарисеи, да развѣ еще новѣйшіе іезуиты, могли и могутъ такъ низвращенно толковать слова Спасителя, какъ перетолкованы онѣ въ »*Граматкѣ*«. Спаситель говорилъ *(Еванг. отъ Іоанна гл. 8. ст. 31)* о свободѣ отъ грѣха; и когда іудеи поняли Его слова по-своему, точно такъ, какъ истолковала ихъ »Граматка«, то Господь самъ же и изъяснилъ свои слова слѣдующимъ образомъ (ст. 34): *отвѣща имъ Іисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ, яко всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха.*

»*Рабство грѣха*,« »*свобода отъ грѣха*«—вотъ о чемъ говоритъ Спаситель; а вы, г. сочинитель »Граматки,« о какой это *свободѣ* толкуете? Имѣя въ виду какую-то *свободу*, достигаемую »*посредствомъ распаденія великихъ царствъ на маленькія*« и посредствомъ »*собранія громады до громады*,« вы самымъ непозволительнымъ образомъ маскируетесь благоговѣйными размышленіями о братолюбіи, натягиваете всеобщую исторію къ вашей цѣли, да и самое Евангеліе хотите заставить, чтобы и оно служило вашимъ видамъ. Если это не фарисейство, то ужъ трудно придумать другое имя; пусть общій здравый смыслъ человѣческій рѣшитъ, какъ назвать это. Тому же здравому смыслу передаемъ, не отыщетъ ли онъ какого-либо значенія въ слѣдующемъ іезуитскомъ словоизвитіи »Граматки:« »*теперь, при свѣтѣ Христовомъ видно, что великія царства воздвигаются и потомъ падаютъ и исчезаютъ для того, дабы сама жизнь достигала закона Божіей правды усиліями,*

муками и переворотами«. Рѣшительно не понимаемъ о чемъ тутъ рѣчь; а вѣдь это »Граматка,« то есть элементарная книжка, сочиненная для первоначальнаго обученія!

Далѣе въ »Граматкѣ« слѣдуетъ на испорченномъ русскомъ языкѣ (т. е. на малороссійскомъ) краткая Священная Исторія, Краткій Катихизисъ и малороссійскія (онѣ же и русскія) пословицы, напримѣръ: »*дурень камень въ воду кинеть, а десять розумныхъ не вытянуть.*« или »*кого хочетъ Богъ покарать, у того сперва разумъ отнимаетъ,*« и т. п. За пословицами напечатана ариѳметика на томъ же испорченномъ русскомъ языкѣ—слѣдовательно вовсе неудобная ни для преподаванія ни для ученія по ней.

Наконецъ, сочинитель »Граматки« вспомнилъ, что его православные ученики, выучивши (предположимъ) исторію и ариѳметику, не видѣли еще въ глаза ни одной славянской буквы: многому научились, но не умѣютъ читать по-славянски (вотъ и образованіе для простолюдина)! Чтобъ замаскировать этотъ, безъ сомнѣнія, умышленно-допущенный недостатокъ, сочинитель »Граматки« напечаталъ въ концѣ славянскими буквами такъ-названныя имъ Великія Слова изъ Св. Писанія (*Велики Слова изъ Письма Святого*), т. е. нѣсколько на удачу взятыхъ имъ текстовъ изъ Св. Писанія: »*начало премудрости—страхъ Господень;*« »*блаженны слышащіи слово Божіе и хранящіи его;*« и т. п. Зачѣмъ собственно эти тексты названы въ »Граматкѣ« *великими словами*, неизвѣстно; какъ будто все прочее, содержащееся въ Св. Писаніи, не равно велико и божественно. Подъ каждымъ текстомъ, напечатаннымъ по-славянски, приложено *изъяснене* на малороссійскомъ нарѣчіи, необходимое развѣ для того только, чтобы, благо есть случай, поговорить по-малороссійски. Далѣе, напечатаны славянскими буквами предначинательныя молитвы: молитва Господня, Символъ Вѣры и 50-й псаломъ.

Въ заключеніе »Граматки« напечатано малороссійское »*Слово до письменныхъ*«. Это »Слово«—образецъ искусства въ коммерческомъ отношеніи. Это бойкій и ловкій чертежъ границъ задуманной Малороссіи, т. е. не то, чтобъ Малороссія могла когда-нибудь существовать въ этихъ границахъ, какъ особое государство, но этими границами: »*по* »*обоимъ берегамъ Днѣпра — отъ Припети до Си-* »*нюхи на тыждень верховой ѣзды, отъ Карпатъ* »*до Есмани, отъ Польши до Дону*«—этими границами обозначается то великое пространство, гдѣ еще не совсѣмъ исправленъ испорченный русскій языкъ (т. е. малороссійскій), и гдѣ слѣдовательно можно разсчитывать на удачную продажу »Граматки«. Все это, въ коммерческомъ отношеніи, можетъ быть, хорошо,—торгуйте себѣ на здоровье, берите деньги съ чувствительныхъ Ничипоровъ; но вѣдь вы торгуете опіумомъ, который отуманиваетъ головы вашихъ читателей, представляя имъ разныя фантастическія видѣнія и грёзы о небываломъ и невозможномъ. Вотъ какова ваша торговля.

Всякую испорченность—слѣдовательно и испорченный языкъ—надобно исправлять, а не возводить на фантастическую степень нормальности и самостоятельности. А потому надобно стараться, чтобы люди, говорящіе по-малороссійски, привыкали говорить чисто по-русски, о чемъ всѣ благомыслящіе малороссіяне давно уже стараются въ своихъ семействахъ и училищахъ, и о чемъ сильно хлопочутъ малороссіяне, даже живущіе въ Галиціи; а сочинитель уродливой »Граматки« заключаетъ свое »*слово до письменныхъ*« мольбою, чтобъ всѣ малороссіяне непремѣнно говорили по-малороссійски, т. е. чтобъ не исправляли своего испорченнаго и изкалеченнаго полонизмами языка, но коснѣли бы въ его испорченности. »*Шануй всякъ свое ридне слово* (говоритъ онъ), *которе не одъ кого инщого, якъ одъ самого Бога намъ надане, и не для того надане, щобъ вы даръ Божій зневажали и забули*«. А мы въ отвѣтъ ему на это скажемъ:

господинъ честной, *не пріемли имени Божія всуе*. Къ чему тутъ фарисейство? Къ чему эти яко-бы благочестивые возгласы и замашки, когда все дѣло идетъ только о выгодной продажѣ *сочиненной* вами »Граматки«?...

Знаменитое »*Слово до письменныхъ*« оканчивается чѣмъ-то въ родѣ проклятія на тѣхъ, кто не будетъ говорить по-малороссійски; оно выгоняетъ ихъ *»изъ родной семьи украинской*,« не велитъ *»ничьему сердцу обращаться къ нимъ, какъ къ родичамъ*,« не велитъ *»привѣтствовать ихъ и давать имъ участія въ той славѣ, которую пріобрѣли древніе малороссіяне, воюючи за вѣру христіанскую и волю людскую«*...

Пропали теперь мы съ вами, любезные земляки, говорящіе чисто по-русски и пріучающіе своихъ дѣтей къ чистому русскому языку! Совсѣмъ пропали. Что намъ дѣлать?...

Нѣтъ, мы, всѣ малороссіяне, искренно любящіе наше прекрасное отечество—православную Россію и нашъ богатый, сильный и прекрасный языкъ русскій, обязываемся сказать по совѣсти, что малороссійская »Граматка,« изданная въ С. Петербургѣ въ 1857 году,—*самая вздорная затѣя и самая вредная нелѣпость*. Напрасно защитники этой несчастной »Граматки« хотятъ называть ее противоядіемъ тѣхъ украинскихъ букварей, напечатанныхъ латинопольскими буквами, которые усиливается распространять въ нашихъ западныхъ губерніяхъ латинопольская пропаганда. Это значило бы выгонять одну болѣзнь посредствомъ производства другой болѣзни; если у больнаго чахоткою коченѣютъ уже руки и ноги отъ холода смерти, дайка произведемъ въ немъ тифозную горячку, авось выздоровѣетъ. И украинопольскіе буквари съ латинскою азбукой вредны, и »Граматка« вредна. Превосходнымъ противоядіемъ для обѣихъ этихъ вредныхъ книжекъ можетъ служить *славяно-русскій букварь, изданный Святѣйшимъ Сѵнодомъ*.

Но торговля южнорусскимъ элементомъ не остановилась на »Граматкѣ;« вслѣдъ за Граматкой явился

»БУКВАРЬ ЮЖНОРУССКІЙ«

»1861 року; цѣна три копѣйки; составилъ *Тарасъ Шевченко.*«

Не хочется вѣрить, чтобъ эта пустѣйшая изъ пустѣйшихъ книжекъ была составлена даровитымъ Шевченкомъ, во первыхъ потому, что первыя семь страницъ ея — слово въ слово переписка первыхъ страницъ »Граматки,« во вторыхъ потому, что покойный Шевченко, въ послѣднее время своей жизни, находился въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что и *умеръ 26-го февраля 1861 года,* а *»Букварь Южнорусскій,«* приписанный ему, *изданъ именно въ 1861 году.* Впрочемъ, пускай и Шевченко сочинилъ эту пустѣйшую книжку,—отъ этого она не дѣлается ни лучше, ни толковѣе.

Въ *»Букварѣ Южнорусскомъ«* нѣтъ ни *»Во имя Отца,«* ни *»Царю Небесный«*, ни *»Богородице Дѣво,«* ни *»Десяти Заповѣдей«*. Послѣ складовъ только, *»Отче нашъ,« »Символъ Вѣры,* да великопостная молитва Ефрема Сирина: *Господи и Владыко живота моего«*... Затѣмъ слѣдуетъ табличка умноженія, да на испорченномъ русскомъ (т.е. на малороссійскомъ) языкѣ двѣ думки—*»про Пирятинскаго поповича Олексія,* да *про Марусю, поповну Богуславскую«*.

Первая дума—такъ себѣ, даже съ нѣкоторымъ нравоученіемъ, а другая—изъ рукъ вонъ! Поповна Маруся попала въ плѣнъ къ одному »турецкому пану« и сдѣлалась наложницею его. У пана въ тюрмѣ сидѣли христіанскіе невольники. Поповна въ Свѣтлый Праздникъ Воскресенія Христова выпустила ихъ изъ тюрмы и, прощаясь съ ними, передаетъ чрезъ нихъ поклонъ родителямъ своимъ и проситъ сказать имъ, чтобъ они уже не выкупали ее изъ плѣну,—угадайте, почему?...

»Бо вже я потуречилась, побусурменилась
Для роскоши турецкой,
Для лакомства несчастнаго«...

Ну что это за нравоученіе для дѣтей, начинающихъ учиться грамотѣ?

Въ заключеніе, къ этой думѣ пришита ни къ селу, ни къ городу (или, какъ говорятъ малороссіяне: *пришей кобылѣ хвостъ*) слѣдующая молитва новѣйшаго произведенія:

»Ой вызволи Боже насъ всѣхъ, бѣдныхъ невольниковъ
Зъ тяжкои неволи.
Выслухай, Боже, въ просьбахъ щирыхъ,
Въ несчастныхъ молитвахъ,
Насъ, бѣдныхъ невольниковъ«..

Тенденція этого букварика одна и таже, что и въ »Граматкѣ:« какая-то *воля людская*, освобожденіе изъ какой-то неволи. О какой это *свободѣ* хлопочете вы, гг. букваристы?!!

Вмѣсто Десяти Заповѣдей Божіихъ, въ »Букварѣ Южнорусскомъ« напечатаны нѣкоторыя малороссійскія пословицы, наприм. вмѣсто пятой заповѣди напечатана слѣдующая *нравоучительная* пословица:

»Або ты, тату, иди по дрова,
А я буду дòма;
Або жъ я буду дòма,
А ты иди по дрова.«—Каково?!..

О богопочтеніи вообще напечатана слѣдующая пословица:

»Заставь дурного Богу молиться, то винъ и лобъ пробье.«

Если какой нибудь старый Ничипоръ могъ разчувствоваться и расплакаться, *бывши на-веселѣ*, то безъ ошибки можно сказать, что весь »*Букварь Южнорус-*

скій« составленъ тоже не спроста, но непремѣнно *навеселѣ*. Повторяемъ—пустѣйшая изъ пустѣйшихъ книжекъ.

Но эта пустѣйшая книжонка доставила великую выручку въ торговлѣ южнорусскимъ элементомъ. Напечатана она въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ. Во первыхъ, на ней выставлено имя *Шевченка;* во вторыхъ, цѣна ей *три копѣйки!* Вслѣдъ за тѣмъ, какъ было провезено чрезъ Малороссію въ Каневъ мертвое тѣло Шевченка, »Букварi Южнорусскіе,« какъ саранча, налетѣли на Малороссію и истребили въ ней безчисленное множество шестигрошевиковъ; какая-то невидимая сила гнала ихъ на Малороссію. Очевидно, что и тріумфаторское шествіе мертвыхъ останковъ Шевченка чрезъ Малороссію такъ же вошло въ коммерческія комбинаціи компаніи, торгующей южнорусскимъ элементомъ. Всѣ эти рѣчи и стихи, всѣ эти оваціи были, конечно, не въ честь бѣднаго Шевченка, который, безъ сомнѣнія, самъ остановилъ бы всѣ эти затѣи и продѣлки, если бы могъ кричать изъ гроба. Все это дѣлалось въ честь какой-то »*идеи*,« сопряженной невидимою связью съ торговлей южнорусскимъ элементомъ. Нѣкоторые простодушные Ничипоры дѣйствовали тутъ по безотчетному увлеченію, другіе по молодечеству, а большая часть изъ любопытства и праздности; но геній торговли не дремлетъ, изъ всего умѣетъ извлекать выгоду.

Еще до провоза, чрезъ Малороссію, гроба Шевченка въ сопровожденіи саранчи »Букварей Южнорусскихъ,« Малороссія была уже наводнена маленькими книжечками на испорченномъ русскомъ, т. е. на малороссійскомъ языкѣ. Книжечки эти въ 16-ю долю печатнаго листа, страничекъ въ 7, 8, 10 и, много-много, въ 12; цѣна книжечкѣ три копѣйки, или пять копѣекъ. Вотъ названіе этихъ *просвѣтительныхъ* книжечекъ: 1) *Сѣрая кобыла,* 2) *Сказка про дѣвку-семилѣтку,* 3) *Подбрехачъ,* 4 и 5) Двѣ поэмы Шевченка: *Гамалѣя* и *Тарасова ночь.*

»*Сѣрая кобыла,*« это старый анекдотъ о мужикѣ, который рубилъ дерево, нависшее надъ рѣкою и чтобъ

оно, срубленное, не упало въ рѣку, мужикъ привязалъ къ нему свою сѣрую кобылу въ томъ предположенiи, что кобыла потянетъ дерево въ другую, противную отъ рѣки, сторону. Но, срубленное дерево рухнуло въ рѣку и увлекло за собою кобылу. И дерево пропало, и кобыла пропала.—Вотъ и все! 10 страничекъ, цѣна 5 копѣекъ.

»*Сказка про дѣвку—семилѣтку*« такое ничтожество на 11-ти страничкахъ, что даже и расказывать нечего.

»*Подбрехачъ*«, тоже старый анекдотъ о помощникѣ свата при сватовствѣ невѣсты.— Тутъ же напечатанъ другой циническiй анекдотъ о томъ, какъ одинъ мужикъ обожрался въ заговѣнье.

Теперь—о поэмахъ Шевченка: »*Гамалья*« и »*Тарасова ночь*«. Изъ преданiя извѣстно, что когда Пушкинъ напечаталъ свою »поэму« *Русланъ и Людмила*, то читающая Россiя раздѣлилась тогда на два враждебные стана: одни нехотѣли признать за этой сказкой названiя »поэмы«, а другiе превозносили ее наравнѣ съ Илліадой и Одиссеей, и доказывали права ея на званiе поэмы —страшный и продолжительный былъ споръ. Доброе старое время! тогда еще спорили о чемъ—нибудь литературномъ. А теперь, безъ всякаго спора и безъ всякаго стыда, что ни напиши рубленною прозой, все это—»*поэма*«!—Обѣ, такъ-называемыя, »поэмы« Шевченка гораздо ниже тѣхъ двухъ стихотворенiй, что помѣщены въ его »Букварѣ« (*про поповича Олексiя и про поповну Богуславскую*); но тѣ два стихотворенiя названы только *думами*, а »Гамалѣя и »Тарасова ночь«—*поэмы*! Нельзя сказать, чтобъ въ этихъ двухъ поэмахъ не было рѣшительно никакихъ достоинствъ—особенно при соображенiи того обстоятельства, что покойный Шевченко былъ *самоучка*, но это отнюдь—не поэмы! Это рубленная въ стихотворноподобныя строки проза, *безъ всякой поэтической мелодiи и гармонiи*, съ нѣкоторою только замашкою поддѣлаться подъ складъ древнихъ стихотворенiй. Для чего компанiя, торгующая южно-русскимъ элементомъ, напускаетъ на Малороссiю

эти »поэмы« и книжечки, не имѣющія никакого достоинства, ни нравственнаго ни литературнаго, рѣшительно не понятно.

На оберткѣ каждой изъ сихъ жалкихъ книжонокъ напечатано объявленіе о продажѣ другихъ литературныхъ *товаровъ* той же коммерческой фирмы, какъ-то: ***Чорна Рада***, ***Повистки Основьяненка*** и даже ***Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ протоіерея Гречулевича***, изданіе 2-е исправленное и »*почти вновь написанное*«. Просимъ читателей прислушаться къ этимъ словамъ: »*и почти вновь написанное.*« Дѣло было вотъ какъ: почтеннѣйшій отецъ протоіерей каменецъ-подольской эпархіи написалъ и произносилъ эти проповѣди на Малороссійскомъ нарѣчіи по вымагательному требованію мѣстныхъ обстоятельствъ. Чтобъ спасти своихъ прихожанъ отъ усвоенія ими польскаго языка, онъ проповѣдывалъ на малороссійскомъ ихъ нарѣчіи для того, что ежели они не умѣютъ еще говорить чисто по-русски, то изъ двухъ золъ (польскаго и малороссійскаго нарѣчій) пусть, дескать, избираютъ меньшее зло, пусть говорятъ по-малороссійски, т. е. хоть на испорченномъ, но все-таки *русскомъ* языкѣ, а не на польскомъ. Первое изданіе проповѣдей и было напечатано такъ, какъ оно вышло изъ рукъ о. протоіерея. Торговля южнорусскимъ элементомъ пріобрѣла право печатать эти проповѣди вторымъ изданіемъ и (слушайте!) »*почти вновь написала ихъ*«, какъ сама признается въ объявленіи о продажѣ ихъ! Свѣтскій, торговый человѣкъ передѣлываетъ, »*почти вновь пишетъ*«, малороссійскія проповѣди, оставляя на нихъ только имя прежняго сочинителя.... для чего это? по какому праву? для какихъ видовъ??

Для полноты дѣла, разскажемъ два факта *о малороссійскихъ проповѣдяхъ вообще.*—Годовъ около пяти назадъ, въ мѣстечкѣ Талалаевкѣ (Нѣжинскаго уѣзда) была освящена обновленная церковь. Прихожане этой церкви на-половину »паны«, т. е. дворяне, и на-половину прос-

толюдины, т. е., козаки и крестьяне. Молодой приходской священникъ, В. О.. въ концѣ литургіи произнесъ проповѣдь, въ которой обыкновеннымъ русскимъ языкомъ благодарилъ дворянъ за ихъ пожертвованія на обновленіе храма; потомъ, обратившись къ простолюдинамъ, продолжалъ уже свою проповѣдь на малороссійскомъ нарѣчіи, слѣдующимъ образомъ: »спасибо и вамъ шановна громада, за вашу працю для обновленія дому Божого и т. п... а что же вышло? Простолюдины обидились такимъ оборотомъ проповѣди,—многіе тотчасъ вышли изъ церкви, а другіе начали шушукать между собою и переглядываться. Потомъ хотѣли-—было жаловаться архіерею на священника за то, что *онъ посмѣялся надъ ними въ церкви и заговорилъ до нихъ такою мовою, какъ они въ шинкѣ лаются межъ собою*. (*)

А вотъ и другой фактъ. Около трехъ лѣтъ назадъ, одинъ духовный сановникъ (родомъ изъ великороссіянъ), живя въ малороссіи повѣрилъ дошедшимъ до него слухамъ, будто малороссіяне доселѣ не отвыкли еще отъ ябедничества и ложныхъ доносовъ. Чтобъ исправить ихъ отъ этого порока, онъ сочинилъ по-русски проповѣдь *о клеветѣ и ложныхъ доносахъ*, приказалъ перевесть эту проповѣдь на малороссійское нарѣчіе, напечаталъ ее и разсылалъ по всѣмъ церквамъ эпархіи, съ тѣмъ, чтобъ священники прочитали ее въ церквахъ, когда будетъ много народа по случаю какого-нибудь праздника. Угадайте, гг. украинофилы, какой былъ исходъ этого дѣла. *Доселѣ ни одинъ священникъ не рѣшился читать эту проповѣдь въ церкви!* Почему такъ? По здравому смыслу общечеловѣческому, который говоритъ всѣмъ малороссіянамъ и па-

---

(*) О подобномъ же происшествіи намѣкаетъ и Вѣстникъ Юго-Зап. и Западной Россіи (см. Сентябрь 1862, Отд. IV. стран. 23.) „При малороссійскихъ проповѣдяхъ, народъ оставлялъ церкви, и даже, при проѣздѣ архіереевъ, жаловался имъ на тѣхъ священниковъ, которые, какъ будто въ насмѣшку, стали поучать мужицкимъ говоромъ.“

намъ, и мужикамъ, и священникамъ, что испорченное нарѣчіе русскаго языка или, такъ-называемый, *малороссійскій языкъ*, какъ аномалія, не имѣетъ никакихъ правъ на литературную самостоятельность, и недостоинъ употребленія ни въ какихъ серьезныхъ случаяхъ, но нуждается въ исправленіи посредствомъ чистаго общерусскаго языка. Извѣстное дѣло, что малороссійское нарѣчіе есть нѣчто среднее между польскимъ языкомъ и русскимъ, такъ точно какъ унія была въ свое время среднею религіей между католичествомъ и православіемъ. По возвращеніи уніатовъ къ православію, стыдно былобы для малороссійскаго нарѣчія (и стыдно на всю исторію!), еслибы и это посредствующее нарѣчіе не слилось наконецъ съ своимъ родоначаліемъ—съ общерусскимъ языкомъ. Вотъ каковъ матеріалъ вашей торговли, гг. торговцы южнорусскаго элемента.— Полно вамъ надувать чувствительныхъ Ничипоровъ!...

Увы, еще не полно... Одинъ нашъ землякъ перевелъ на малороссійское нарѣчіе *даже Евангеліе отъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ*. Духовные сановники, которымъ онъ представилъ свой переводъ, признали, что печатать Евангеліе на малороссійскомъ нарѣчіи *»неудобно«*. Недовольный переводчикъ не удовлетворился такимъ учтивымъ и снисходительнымъ приговоромъ, но послалъ свой переводъ въ одно *Ученое Общество*, и—потрафилъ очень хорошо. Извѣстное дѣло, что нѣтъ такой уродливой нелѣпости, которая не могла бы выдаваться за правду— подъ фирмою учености. Напримѣръ, ученые люди доказывали и доселѣ доказываютъ, что *греки не умѣютъ читать по—гречески* или наприм. что *болгаре, называющіе себя славянами и говорящіе испоконь-вѣку по-славянски, суть отродье турковъ* и т. п. Вотъ и теперь слышно, что ученые люди хлопочутъ уже объ исходатайствованіи позволенія *напечатать Евангеліе на малороссійскомъ нарѣчіи*....

Да, надобно съ сожалѣніемъ признаться, что отъ учености можно всего ожидать.

II.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Есть два нѣмецкіе языка: одинъ, обыкновенный нѣмецкій, на которомъ говорятъ и пишутъ нѣмцы, а другой — на которомъ говорятъ польскіе и русскіе евреи. Этотъ послѣдній языкъ, кромѣ испорченныхъ звуковъ обыкновеннаго нѣмецкаго языка, имѣетъ нѣсколько словъ еврейскихъ, испанскихъ, португальскихъ, татарскихъ и русскихъ, т. е., по-немножку изъ языка всѣхъ тѣхъ народовъ, между которыми жили евреи. Изъ такой смѣси составилось то нарѣчіе, которое называется *еврейско-нѣмецкимъ языкомъ*. Для любопытства читателей, вотъ нѣсколько фразъ на этомъ жидовскомъ нарѣчіи, въ сравненіи его съ обыкновеннымъ нѣмецкимъ языкомъ: *

по-жидовски:	по-нѣмецки:
Гертъ айре Рабаимъ унъ фолгтъ зи, дарферъ восъ зи стараенъ зихъ вегенъ айре зеленъ.	Gehorchet euern Lehren und folgt ihnen, denn sie wachen über eure Seelen.
Восъ вильтъ иръ гобунъ	Was ihr wollt, dass euch

(*) Мы нарочно взяли эти фразы изъ Св. Писанія, чтобы рьяные защитники *всякихъ* національностей, наглядно убѣдились, что не надобно калечить Св. Писаніе переводомъ на каррикатурныя, аномальныя нарѣчія,—тѣмъ болѣе, что люди, говорящіе такими нарѣчіями, сами сознаютъ несостоятельность ихъ.

Меншенъ золлунъ айхъ тонъ, досъ ейхъ тонъ зольсте ди Меншенъ.	die Leute thun sollen, das thut ihr ihnen auch.
Зайтъ фрейлихъ митъ демъ фрейлихе, унъ вейнъ митъ демъ вейнидиге.	Freuet euch mit den Fröhlichem, und weinet mit den weinenden.

Съ перваго взгляда кажется, будто жидовско-нѣмецкій языкъ есть особенное какое-то племенное нарѣчіе, происходящее отъ общаго всѣмъ нѣмцамъ тевтонскаго языка. Притомъ не забудьте, что евреевъ, говорящихъ этимъ испорченнымъ нарѣчіемъ наберется до двухъ милліоновъ человѣкъ, ежели не больше: да это равняется съ народонаселеніемъ какого-нибудь нѣмецкаго государства! Если бы между евреями, говорящими этимъ quasi-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, нашелся одинъ—другой предпріимчивый человѣкъ, то они могли бы составить для своего племени особую отъ обще-нѣмецкаго языка и *грамотность, и даже литературу еврейско-нѣмецкую*. А если бы между ними явился еще поэтъ, который бы на этомъ испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ началъ писать думы и пѣсни о судьбахъ еврейскаго народа,—потомки Израиля осыпали бы такихъ *своихъ литераторовъ* похвалами, и даже, можетъ быть, *кербелями*... Но—къ чему бы это все послужило? Что пріобрѣлъ бы отъ этого общій нѣмецкій языкъ? Да и жидовско-нѣмецкое нарѣчіе неужели могло бы когда-нибудь достигнуть литературной самостоятельности и права гражданства между другими языками?.. Никогда никакая уродливость не достигала и не достигнетъ до возможности сдѣлаться нормальностью: это—несокрушимый законъ природы.

Хотя намъ, малороссіянамъ, чрезвычайно непріятно такое сравненіе, но надобно сказать правду, что въ такомъ точно отношеніи къ обще-русскому языку состоитъ малороссійское нарѣчіе, въ какомъ жидовско-нѣмецкое нарѣчіе—къ обще нѣмецкому языку. Для нагляднаго убѣжденія въ этомъ, вотъ—стихи Шевченка и проза Марка

Вовчка въ сравненіи ихъ съ русскимъ переводомъ. Беремъ то и другое изъ первыхъ страницъ малороссійскаго журнала »*Основа*«, январь 1861 года:

ПО-МАЛОРОССІЙСКИ:

Запалили у сусѣда
Нову добру хату
Сусѣды злы, нагрѣлися
Та й полѣгли спати,
И забули теплый попелъ
По полю развѣять....
Лежить попелъ на распутьи,
А въ попелѣ тліе
Огню искра великого,
Тліе не вгасае,
Пидпалу жде,—яко то местникъ
Часу дожидае—
Часу злого. Тліе искра,
Тихо дотливала
На распутьи широкому,
Та й гаснути стала...*)

Шевченко.

У слободѣ я родилась—Пятигиръ. Тамъ недалечко,—може колы слободянски стороны доводилось переѣздить, то чували,—стара жена выкопала печеры у крейдяной горѣ? Тридцать, чи сорокъ лѣтъ

ПО-РУССКИ::

Зажгли у сосѣда
Новую добрую хату
Сосѣди злые, нагрѣлись
Да и легли спать,
И забыли теплый пепелъ
По пополю развѣять....
Лежитъ пепелъ на разпутьи,
А въ пепелѣ тлѣетъ
Огня искра великаго,
Тлѣетъ не угасаетъ,
Подпалу ждетъ, какъ будто мститель
Времени дожидаетъ—
Времени злаго. Тлѣетъ искра,
Тихо дотлѣвала
На распутьи широкомъ,
Да и гаснуть стала....

Въ слободѣ я родилась—Пятигорье. Тамъ недалечко—можетъ быть, слободскія стороны доводилось переѣзжать, то вы слышали,—старая женщина выкопала пещеры въ мѣловой горѣ? Тридцать или сорокъ лѣтъ

(*) Неужели это—стихи? неужели это поэзія?.. Гг. украинофилы! Хоть этимъ почтите память Шевченка: *не называйте его поэтомъ!*

копала, таки велики выкопала, Господи! Було ходимо малыми по печерахъ тыхъ, запалимо вѣти сосновы та й ходимо; а хидъ узенькій, та низькій и дуже трудный. Межъ людьми иде, що була то жена вельми древня и немощна, а духу великаго.	копала, такія великія выкопала, Господи! Бывало, мы дѣтьми ходимъ по пещерамъ тѣмъ, зажжемъ вѣтьви сосновыя, да и ходимъ; а ходъ узенькій, да низкій и очень трудный. Межъ людьми слухъ идетъ, что была та женщина очень старая и немощная; но духу великаго.

Марко Вовчокъ.

Передаемъ на судъ всѣхъ лингвистовъ и этимологовъ: пусть рѣшатъ, похожъ ли малороссійскій языкъ на особенное какое-то племенное нарѣчіе славянскаго языка и *не есть ли онъ скорѣе—тотъ же русскій языкъ, только испорченный, т. е., съ перековерканными окончаніями словъ и съ особеннымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ?* И—есть ли какая-либо разумная необходимость возводить насильно этотъ испорченный языкъ до самостоятельной литературы, которой онъ никогда (прислушайтесь, гг. украинофилы, *никогда!*) не имѣлъ?.. Можно, пожалуй, быть малороссіяниномъ; можно любить малороссію, какъ свою родину и какъ прекрасную часть Россіи; даже можно любить свое *домашнее* малороссійское нарѣчіе, какъ вообще мы любимъ многія домашнія вещи, наприм. халатъ, колпакъ, и т. п.—но... въ этомъ домашнемъ костюмѣ являться въ публику, да еще доказывать права этого костюма на публичное употребленіе—это было бы по меньшей мѣрѣ смѣшно и дико, ежели не какъ-нибудь иначе. Послѣ этого, такъ и жди, что и бѣлорусское нарѣчіе возвыситъ свой голосъ и объявитъ свои права на самостоятельность и литературное гражданство между другими языками. Слышно, что одинъ шутникъ-бѣлоруссъ затѣваетъ уже издавать, на бѣлорусскомъ нарѣчіи, журналъ подъ заглавіемъ: ***Подканье***, съ

эпиграфомъ: *»бейце, дзъци, гопака, не жалъйце лапцей; кали эци пабьеце, бацько новыхъ наплеце«*. Судя по этому эпиграфу, бѣлорусское нарѣчіе не уступитъ малороссійскому ни въ гармоніи, ни въ изобразительности. Повторяемъ: малороссійское нарѣчіе есть тотъ же общерусскій языкъ, только испорченный въ то время, какъ Малороссія стенала подъ игомъ Польши.—Со времени возвращенія Малороссіи и сплоченія въ одно цѣлое съ прочею Россіей, малороссійское нарѣчіе начало очищаться отъ проказы полонизмовъ и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сближаться съ роднымъ своимъ русскимъ языкомъ. Малороссіяне, живущіе въ Галиціи, подобнымъ же образомъ начали уже очищать свое нарѣчіе и приближать его къ общему русскому языку. Другаго средства существованія нѣтъ для малороссійскаго нарѣчія, какъ соединиться ему съ русскимъ языкомъ: такъ маленькій ручеекъ катитъ свою нитку воды въ большую рѣку и соединяется съ нею. Для ручейка нѣтъ въ этомъ никакого стыда: достигши рѣки, онъ уже у себя, дома.

Тождество малороссійскаго нарѣчія съ общимъ русскимъ языкомъ и необходимость слиться ему въ одно русло съ русскимъ такъ неотразимы и неизбѣжны, что упрямые украинофилы, видя эту опасность для своихъ тенденцій, выстроили, противъ такого слiянія, искусственную плотину изъ придуманнаго ими особеннаго *кривописанія* (а не правописанія), такого уродливаго и такъ противнаго всѣмъ правиламъ этимологіи, что изъ рукъ вонъ! Они выгнали изъ малороссійскаго нарѣчія буквы *ы*, *ѣ*, и замѣняютъ ихъ однимъ *і*, а это *і*, замѣняютъ осьмеричнымъ *и*, сокращенное мѣстоимѣніе *ся* замѣняютъ слогомъ *ця*, и другія подобныя безобразія повыдумывали, дабы сбить съ толку своихъ земляковъ и увѣрить ихъ, что малороссійскій языкъ совершенно отличенъ отъ русскаго: »смотрите дескать, какъ по-малороссійски слова пишутся,—совсѣмъ не такъ, какъ по-русски«.—Съ другой стороны, эта хитро-искусственная плотина противъ слiянія малороссійскаго

нарѣчія съ русскимъ языкомъ обставлена кольями многихъ польскихъ словъ, которыхъ малороссіяне давно уже не употребляютъ, и которыхъ украинофилы натыкали въ малороссійское нарѣчіе злоумышленно, для того, чтобы придать этому нарѣчію особенный колоритъ, отъ русскаго. »*Оповѣданья*« Марка Вовчка... что это такое? Или: »*омана, пильга, наданый, вбачати, одностайный, жаданье*«....что это за слова?.. Помилосердуйте, гг. украинофилы! такихъ словъ нѣтъ въ Малоросіи.—Вмѣсто сближенія малорос. нарѣчія съ русскимъ языкомъ, вы сближаете его съ польскимъ. За это поляки очень любятъ васъ, и даже не шутя приглашаютъ васъ къ соединенію съ ними, говоря, что малороссійскій языкъ есть тотъ-же польскій, только въ польскомъ есть нѣсколько словъ мазурскихъ, которыхъ нѣтъ въ малороссійскомъ«. (См. газету краковскую: Czas).—Дѣло идетъ, какъ видите объ отдѣленіи малороссіянъ отъ Россіи въ литературномъ отношеніи. А божественная мудрость говоритъ вотъ что:

Кто не погрѣшаетъ въ словѣ, тотъ совершенъ, онъ можетъ обуздать и все тѣло. Языкъ не большой членъ, но много дѣйствуетъ, посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ. И языкъ—огонь, скопище неправды: въ такомъ точно положеніи языкъ находится между членами нашими; онъ заражаетъ все тѣло, и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ воспаляемъ отъ геенны-это—неукротимое зло. Не должно, братія мои, сему такъ быть. (Іак. III, 2, 5, 6, 8, 10.).

Мы сказали уже, что жители Галиціи стараются всѣми силами сблизить свой языкъ съ общерусскимъ языкомъ. На справедливое замѣчаніе объ этомъ, изложенное въ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника (4 № 1861 г.) »*Основа*« отвѣчала такъ: »подавленному двойнымъ гне- »томъ—онѣмѣчиванья и ополячеванья—русскому сердцу »галичанина особенно трудно защититься (*какъ будто* »*отъ врага?!*) отъ вѣющаго на него—отраднымъ родст- »вомъ и лучшимъ будущимъ—духа литературной Россіи.

»Для борьбы съ насильственными притязаніями, галицій-
»кій русинъ—воспитанникъ польскихъ или нѣмецкихъ
»школъ хватился за первое, уже готовое, оружіе, не имѣя
»времени ни изучать наличное богатство своего народнаго
»языка, ни разрабатывать его литературно. Но это явле-
»ніе—не законъ, тѣмъ болѣе не законъ для украинскихъ
»писателей, настоящихъ и будущихъ (*неужели для нихъ
»законъ не писанъ?*). Нѣтъ! продолжаетъ »Основа«: ни
»съ какой стороны не приходится украинскимъ литерато-
»рамъ брать примѣръ съ галиційскихъ. Постоянная мечта
»русскихъ Галичанъ—союзъ съ остальною Россіей—для
»украинцевъ не существуетъ (*благодаримъ покорно васъ
»за это отъ лица всей Россіи!*). Пока мы достигали
»соединенія, повѣряли его послѣдствія, ожидались и. т. д.,
»наши литературные интересы тянули въ одну сторону;
»теперь же когда соединеніе совершилось (*неужели теперь
»надобно тянуть въ другую сторону—къ разъеди-
»ненію?*) для насъ настало время правильнаго (?) лите-
»ратурнаго развитія (т. е. *разъединенія*?..). Крайняя цент-
»рализація въ языкѣ (*слушайте!*) была бы помѣхою об-
»щему благосостоянію и образованію: единообразованіе
»(*пожалуйста слушайте!*) производитъ у насъ урод-
»ство и юродство« (*Основа. Февраль 1861. Отвѣтъ
Соврем. Лѣтописи Рус. Вѣстника.*)

Еслибы у насъ было демидовское богатство, то мы бы наз-
начили 100 тысячъ рублей преміи тому, кто пойметъ, разбе-
ретъ и разъяснитъ эти таинственныя слова »*о крайнейцент-
рализаціи въ языкѣ, служащей помѣхою общему бла-
госостоянію и образованію народа*«, а равно »*объ
уродствѣ и юродствѣ, происходящемъ отъ едино-
образованія*«. Какъ? единообразованіе малороссіянъ съ
великороссіянами производитъ уродство и юродство??!!
Централизація, т. е господство общаго русскаго языка
въ Малороссіи, мѣшаетъ общему благосостоянію и об-
разованію народа??.. Рѣшительно не понимаемъ!

Зачѣмъ такая туманизація словъ и фразъ? Сказали

бы на прямикъ: чего вамъ хочется,—ну, тогда бы можно было принять надлежащія мѣры къ отвѣту.—Какъ вы ни мудрите, а все-таки малороссійское нарѣчіе—аномалія между языками. Оно—ежели сказать правду—незаконнорожденное дитя руссизма и польщизны, родившееся въ кухнѣ и выросшее на заднемъ дворѣ человѣческой мысли и слова. Теперь вы это незаконнорожденное дитя умываете, расчесываете, пріодѣваете, вводите въ гостинную и требуете, чтобъ оно было признано законнымъ наслѣдникомъ. трудно опредѣлить, *чего* больше въ вашемъ предпріятіи, *ложнаго* гуманизма или *истинной* дерзости?..

Всѣ близкія и родныя народности теперь стремятся къ соединенію: Италія сливается во едино; Іонійцы хотятъ примкнуть къ Греціи; Галичане вздыхаютъ о соединеніи съ Русью. Что-жъ это сдѣлалось съ вами, гг. украинофилы, что вы затѣяли литературное отдѣленіе отъ Россіи и хлопочете о какой-то мечтательной самобытности?.. Вѣдь вы сами признаетесь, что малороссійской литературы никогда еще не было на свѣтѣ, что »*она недавно началась, а именно съ Шевченка*« (*). Вы сами очень плохо знаете малороссійское нарѣчіе и безпрестанно спотыкаетесь на польскія слова. На что это? къ чему это? чего вамъ хочется?.. Всѣ ваши затѣи, кажется, происходятъ, между прочимъ, отъ праздной учености, или отъ ученой праздности. *Ученые люди, отъ нечего дѣлать, выдумали малороссійскій языкъ.* Нѣкоторые изъ нихъ, родомъ изъ Вологды или Костромы, никогда не видѣли Малороссіи, но *отъ достовѣрныхъ свидѣтелей* слышали, что въ ней говорятъ »*не россійскимъ, но малороссійскимъ діалектомъ*«; а одинъ изъ нихъ былъ когда-то въ Малороссіи, но изъ нея вывезъ только то свѣденіе, что тамъ цѣлковый называется *карбованцомъ* и что писаря, на почтовыхъ станціяхъ, вмѣсто »нѣтъ лошадей«, отвѣчаютъ

(*) Основа. Февраль 1861. Характеръ и задача украинской критики. Страница 159.

»нема коней«. На основанiи этихъ *»данныхъ«*, наши ученые мужи рѣшили, что если бы даже и никогда не было на свѣтѣ малороссiйскаго языка, то его теперь должно образовать.—Vae doctis!

III.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Т. Г. Шевченко былъ, безспорно, очень даровитый человѣкъ, впрочемъ неумѣренно—захваленный и, къ сожалѣнію, испорченный своими почитателями. Живое преданіе говоритъ, что нѣкоторые любители малороссійскаго юмора старались иногда нарочно приводить его, при помощи извѣстнаго средства, въ восторженное состояніе, чтобъ потѣшаться шутками его, пѣснями и импровизацией. »Бѣдный пѣвецъ!« невольно вырывается изъ души болѣзненный вопль, какъ начнутъ расказыватъ о подобныхъ продѣлкахъ нѣкоторыхъ украинофиловъ.... Понадобился имъ, видите, геній, непремѣнно *геній—поетъ украинскій*, вотъ они и произвели бѣднаго Тараса Григорьевича въ такіе геніи— для того, »*чтобъ съ него начать Исторію украинской литературы* (*),дотолѣ не существовавшей на бѣломъ свѣтѣ, и для существованія которой никогда небыло,нѣтъ и небудетъ никакой исторической, разумной необходимости. »Хочешь-нехочешь, а ужъ ты пиши намъ малороссійскіе стихи, вѣдь ты нашъ украинскій геній поэтъ!« Вотъ и повѣрилъ имъ Шевченко, по крайней мѣрѣ притворился, будто повѣрилъ,—и—давай писать думы, думки, пѣсни, сказки и поэмы на малороссійскомъ

(*) См. Основа, февраль 1861. Характеръ и задача украин. критики. Стран. 159-

испорченномъ нарѣчіи, которое никогда не было самостоятельнымъ языкомъ.

Даровитый Шевченко, въ глубинѣ души своей былъ искренно убѣжденъ въ литературной, политической и нравственной несостоятельности малороссійскаго нарѣчія, какъ аномаліи; онъ глубоко чувствовалъ всю аномальность его и хотя, по принятому имъ отъ своихъ пріятелей производству въ украинскіе геніи—поэты, писалъ стихи на малороссійскомъ нарѣчіи, но въ душѣ своей онъ былъ русскимъ *и думалъ про себя по русски*. Вѣдь извѣстное дѣло: *нашъ языкъ*—тотъ на которомъ мы думаемъ и на которомъ разговариваемъ сами съ собою. Посмотрите же, что вышло: публика, своего особеннаго рода, требовала отъ Шевченка украинскихъ стиховъ,—ну, онъ и писалъ для нея такіе стихи; а *свой* »*Дневникъ*«, назначенный имъ не для публики, а для печати, *писалъ на чистомъ русскомъ языкѣ*. Желающіе познакомиться съ этимъ »*Дневникомъ Шевченка*«, могутъ найти его въ книжкахъ »Основы« за 1862 годъ.— Что же доказывается этимъ? А вотъ что: когда уже *самъ* Шевченко писалъ свой искренній »Дневникъ« на общемъ, чистомъ русскомъ языкѣ, а не на малороссійскомъ нарѣчіи. то-значить-*онъ самъ* сознавалъ неприличіе и неспособность малороссійскаго нарѣчія для серьезнаго употребленія. Онъ своимъ »Дневникомъ« какъ будто говоритъ намъ вотъ-что: »можно, пожалуй, иногда поговорить по-малороссійски, написать малороссійскую виршу и пропѣть малороссійскую пѣсню, такъ точно какъ можно иногда и потанцовать трепака; но *танцовать постоянно въ мѣсто обыкновеннаго хожденія ногами*,—это, воля ваша, былобы черезъ-чуръ не нормально: вотъ тоже разумѣйте и о вашей малороссійской литературѣ«.—Шевченко чувствовалъ, сознавалъ это, и, въ слѣдствіе того, самъ съ собою, въ тайникѣ своего »Дневника«, *говорилъ по русски, а не по-украински*.— »Дневникъ« его, такъ наивно противъ собственныхъ тенденцій напечатанный »Основою«, рветъ всѣ нитки этой

основы, такъ что и заткать эту прорѣху уже не можно никакимъ *подканьемъ*; и послѣ этого нѣтъ уже никакой надежды, чтобъ изъ этой дырявой основы могла выткаться какая либо холстина.

Г. Нѣжинъ.